

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

Наша конференция проходит в канун знаменательного юбилея – исполняется двести лет со дня рождения Владимира Ивановича Даля. Военный моряк и медик по образованию, он был филологом и литератором по призванию; датчанин по отцу, он был истинно русским человеком по своему мироощущению и менталитету. Государственный служащий, занимавший высокие должности чиновника особых поручений и заведующего канцелярией Министерства внутренних дел, он вошел в историю России как неутомимый собиратель, блестящий знаток русских говоров, традиционной народной культуры, как яркий представитель «натуральной школы», известный читателям под псевдонимом «казака Луганского».

Необычайно широк круг интересов Даля-собирателя. Он записывал произведения практически всех фольклорных жанров, нередко передавал свои материалы составителям и издателям классических сборников. Только А.Н.Афанасьев получил от него «более тысячи списков» (вариантов. – Ю.Н.)

сказок и произведений несказочной прозы¹ и активно использовал их в своей знаменитой «фольклорной трилогии». Около 150 текстов вошло в состав «Народных русских сказок» – это примерно четверть их объема; «Русские народные легенды» «почти целиком состоят из записей Даля»², это же можно сказать и о «Заветных сказках»³. В сборнике П.В.Киреевского опубликованы сказки и предания об Илье Муромце в пересказах Даля⁴, а также полученные через него архангельские былины в записях А.Харитонов. Тому же Киреевскому собиратель передал огромную коллекцию уральских песен; часть его материалов увидела свет в «Песнях русского народа» И.П.Сахарова. Записанные Далем духовные стихи напечатаны в сводном издании П.А.Бессонова «Калеки переходные»⁵, а собранные им лубочные картинки вошли в состав многотомного издания Д.А.Ровинского «Народные русские картинки»⁶.

Под своим собственным именем Даль выпустил всего два фольклорных сборника – «Пословицы русского народа» и «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа»⁷. Тем не менее в русской дореволюционной фольклористике, пожалуй, только П.В.Киреевский может сравниться с ним по масштабам собирательской деятельности, а по количеству собственноручных записей и он ему заметно уступает. Лидерство Даля в этой области становится еще более очевидным, если учесть огромный массив материалов, которые содержатся в его «Толковом словаре живого великорусского языка»⁸.

В обобщающем труде по истории русской фольклористики М.К.Азатовский писал: «К сожалению, фольклорно-этнографическое значение «Словаря» еще не изучено и не вскрыто в нашей науке в полной мере»⁹. С тех пор прошло более чем полвека, но положение не изменилось к лучшему. В последнее десятилетие представители разных наук активно занялись народной мифологией и бытовой магией, обычаями и обрядами, приметами и поверьями; в самостоятельную дисциплину выделилась этнолингвистика¹⁰. Испытывая острый дефицит материала, многие исследователи почему-то проходят мимо «Толкового словаря»¹¹, цитируют куда менее надежные в научном отношении сборники М.Д.Чулкова, А.В.Терещенко, И.П.Сахарова, И.М.Снегирева¹². К числу немногих исключений относятся некоторые статьи в «Славянской мифологии», «Славянских древностях»¹³ и книга В.С.Бахтина «От былины до считалки»¹⁴. Заглянув по поводу слова «курилка» в словарь Даля, ее автор нашел в нем фрагмент детской игровой песенки, что побудило его обратиться к сборнику П.В.Шейна¹⁵. В результате из-под пера петербургского писателя и фольклориста вышла отличная миниатюра «Кто такой курилка», посвященная народно-поэтическим истокам эпиграммы А.С.Пушкина на М.Т.Каченовского – «Жив, жив, Курилка!».

Перефразируя В.С.Бахтина, можно сказать, что «Даль знает всё». Трудно назвать такую область духовной культуры русского народа, такой фольклорный жанр, которые не были бы представлены в словаре. Здесь мы найдем постоянные формулы и поэтические образы из былин и сказок, фрагменты баллад, похоронных плачей, календарных, свадебных и бытовых песен, приговоры свата и дружки, докучные сказки и анекдоты. По материалам Даля можно составить большую подборку скороговорок, считалок, опи-

саний детских игр, подробнейший «Месяцеслов» (народный календарь), целый сборник загадок, включающий около полутора тысяч текстов. Особенно богат словарь сведениями этнолингвистического характера. Их ценность предопределяется целым рядом факторов. Во-первых, эти материалы собраны в основном в 20–40-х годах XIX столетия, когда фольклористика в России только зарождалась. Во-вторых, не вызывает сомнений научная добросовестность и точность собирателя. В отличие от многих своих современников он предпочитал не пересказывать фольклорные сюжеты, не восстанавливать по памяти описания народных обрядов и обычаев, а фиксировать сами тексты. В-третьих, Даль нередко записывал разные варианты одного произведения, отмечал ареал их бытования. В основу данного сообщения положены материалы, извлеченные из Толкового словаря (до слова «*крошки*» – в соответствии с двумя вышедшими в свет томами этнолингвистического словаря *СД*), и некоторые тексты из сборника пословиц¹⁶.

Даль хорошо знал русскую заговорную традицию, сам записывал народные заклинания. Специфика словаря не позволила ему включить в него так называемые эпические заговоры, довольно большие по объему и сложные по структуре¹⁷. Но чтобы дать о слове «не однобокое, а полное и круглое понятие»¹⁸, он охотно использовал их фрагменты. Чаще всего это ключевые формулы, представляющие собой семантическое ядро текста. «*Заговорил на свою алую, горячую кровь, на свой чистый, подложечный пот, на спину тощую*»¹⁹. «*Черный глаз, карий глаз, минуй нас*» [из заговора от сглаза]²⁰. «*Болеши в подполье (с водой), на тебя здоровье*»²¹. Немало в словаре оригинальных «закрепок», призванных утвердить, усилить действенность магической формулы. «*Кто бел-горюч камень алатырь изложет, тот мой заговор переможет*»²². «*Ни дутьем бы ему отдуться и пр., из заговора*»²³. Целиком приводятся только заклинания, состоящие из одной-двух фраз; нередко они сопровождаются описаниями и мотивировкой ритуальных действий. «*Сажая капусту, приговаривают: не будь голенаста, будь пузаста; не будь пустая, будь густая; не будь красна, будь вкусна; не будь стара, будь молода; не будь мала, а будь велика*»²⁴. «*На видах растения татарин [чертополох, репей] народ заговаривает кровь, червей, лихорадку и пр. Стебель пригибают и прикручивают, не ломая и говоря: Изведешь, отпущу; не изведешь, с корнем изжenu*. Коли заговор сделает своё, то идут в поле и отпускают татарник»²⁵. «*Щекотиха, будиха, вот тебе лучок (или: прялица), играй, а младенца не буди: от детского крика, кладут под головы мальчику лук со стрелой, а девочке прялицу, с этим заговором (Чердынь)*»²⁶.

По своим функциям к заговорам близки заклинания-обереги и другие магические формулы. «*Свят дух на земле, диавол сквозь землю!*» говорят при крике петуха»²⁷. «*Боли, голова, поколе горят волоса*, говорят, сжигая стрижку»²⁸. Остриженные волосы не полагалось выбрасывать, чтобы чародеи не использовали их для наведения «порчи» на человека²⁹. «*Гложи, волк, свои бока*, говорят, подкладывая камень под горшок, чтобы волк не съел коровы»³⁰. «*Тебе пень да колода, нам путь да дорога!*» говорят зайцу, перебежавшему путь»³¹. Перебежавший через дорогу заяц издавна считается

предвестником несчастья³². Некоторые поверья и магические средства нейтрализации колдовских чар не встретились нам в других фольклорно-этнографических источниках или позаимствованы составителями у Даля. «Калика паленица (странник и паломник) порчи не боится»³³; речь идет о бродячих певцах духовных стихов и богомольцах. «Кольчугой зовут иногда <...> кожаный кафтанчик, с зашитой в нем охранною молитвою или заговором»³⁴. «Землица с семи могил добрых людей спасает от всех бед»³⁵. Верой в магическую силу слова пронизаны многие заклички и ритуальные приветствия. «Мать Божья, подавай дождя, на наш ячмень, на барский хмель! Привет дождю»³⁶. «Море под коровой (привет дойнице). Река молока (ответ)»³⁷. Встречаются в словаре и тексты, связанные с «черной» магией («Из баньки да в ямку, приговор злых людей, ко смерти новорожденного»³⁸), а также описания вредоносных действий («Для отмщения обиды врагу ставят свечу комлем вверх»³⁹).

Даль зафиксировал легенды и предания мифологического содержания – и редкие, известные в единичных вариантах (о происхождении «нежити»: «Бог ударил кремнем о камень – посыпались ангелы, архангелы, херувимы, серафимы; черт ударил камень о камень – посыпались лешие, домовые, русалки, яги-бабы»⁴⁰), и более популярные, но бытовавшие в ограниченном ареале (Поволжье: «Не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь! От предания: Разин расстилал на воду ковер и на нем безопасно уплывал»⁴¹). Особенно широко представлены в словаре поверья и запреты, характеризующие демонические существа и регламентирующие поведение человека при столкновениях с ними. «Леший вторьем [эхом] морочит»⁴². «Домовой не дышит воздухом, а дышит паром от человека и скотины, поверье»⁴³. «От кикиморы не дождешься рубахи, хотя она и прядет»⁴⁴. «Из петушьего яйца высиживается василиск» [дракон, змей]⁴⁵. «Змей кому-то деньги понёс, об огненных метеорах»⁴⁶. «Не ходи при болоте: черт уши обколотит»⁴⁷. «На перекрестке черти яйца катают, в свайку играют»⁴⁸. Магические действия осторожного характера нередко прикрепляются к конкретным календарным датам. «Агафона-огуменника, день 22 августа. Леший ночью из лесу выходит, дурит в поле, раскидывает снопы по гумнам, которые и стерегут, в выворотном тулупе, с кочергою в руках»⁴⁹. «Васильев вечер, канун нового года. <...> Ведьмы скрадывают месяц, южнорусское»⁵⁰. Целая серия пословиц связана с представлениями о зачатых кладах: «Этого клада не доямишься, со словом положен»; «Своя воля – клад, да черти его стерегут!»; «Клад добудешь, да домой не будешь»; «На сколько голов клад положен, столько и подавай»⁵¹. По условиям некоторых заклятий, сокровищами можно овладеть только после гибели оговоренного числа кладоискателей.

Пословицы, фразеологизмы, толкования отдельных слов содержат множество сведений о древнерусском праве, старинном быте, обычаях наших предков. В средневековом суде лица, косвенно заинтересованные в исходе рассматриваемого дела, не могли выступать в качестве свидетелей: «Жена на мужа не докащица (не послух). Холоп на господина не докащик (стар.)»⁵². Память о наказании преступников кнутом на «кобыле» сохрани-

лась в иронической поговорке: «*Отец его на кобыле ездил, да не верхом*»⁵³. Даль подробно объясняет происхождение традиционного возгласа «татей»: «*Сарынь на кичку!*». Так волжские разбойники приказывали бурлакам убираться прочь, не путаться под ногами на захваченном судне («сарынь» – толпа, чернь; «кичка» – носовая часть судна⁵⁴). Из словаря мы узнаем, что в средневековых русских городах-крепостях сооружали так называемые «слухи» – колодцы или подземные ходы, «откуда наслушивают подземные работы осаждающих»⁵⁵; что еще в начале XIX века официально запрещались «голубцы» («голбцы») – могильные памятники «домиком» и распространенные некогда «долбленные гробы, из колоды»⁵⁶; что в Олонецкой губернии были свои «рикши» – «для провоза клади или полицейского чиновника» через непроезжие леса и топи два человека впрягались в «кережи» («лопарские олени и собачьи саночки, в виде лодочки, на одном широком полозу») ⁵⁷; что в старину колоколам (как и первым пушкам) давали имена собственные: «буревой, бурлила, гуд, мотора, лебедь» и др.⁵⁸

Особенно много текстов связано с религиозными и бытовыми запретами, семейными и хозяйственными обрядами, народной этикой и народной медициной. «*Алмаз ангельская слеза, поверье*»⁵⁹. «*Ангел за душою усопшего полетел, поверье <...> о падающих звездах*»⁶⁰. «*Выходя на сватовство, связывают вместе кочергу и помело, курское*»⁶¹. «*Пей-ка, на дне копейка; еще попьешь, грош найдешь!* от свадебного обычая, класть в вино за окуп невесты деньги»⁶². «*Венчальные свечи разом задувать, чтобы жить вместе и умереть вместе*»⁶³. «*Зов великое дело: званого гостя бить нельзя!*»⁶⁴. «*Когда межуют, то парнишек на меже секут (чтобы помнили до старости, где межа)*»⁶⁵. «*Она зарядилась [начала наряжаться], как хозяин приехал, а без него и серьги вынула, по обычаю*»⁶⁶. «*Насыпь по край мукой, так и горшок твой, от обычая так покупать горшки*»⁶⁷. «*Добыть языка на колокольне (когда отыметса язык, то обливают водой колокольный язык и поят большого)*»⁶⁸. В словаре широко представлены самые разнообразные приметы. «*Векша [белка] в город забегает к войне*»⁶⁹. «*Икона упадет – к покойнику*»⁷⁰. «*Длинные капельники [сосульки] – долгий лен*»⁷¹. «*Река вскрылась в постный день – коровы будут недоины*»⁷². «*Комара нет, овса и трав не будет*»⁷³. Нередко поверья и приметы сочетаются с утверждением поведенческих стереотипов; «правила поведения» могут быть выражены эксплицитно или в форме прямых рекомендаций: «*На Симона Зилота земля именинница: грех пахать*»⁷⁴; «*Беременная не идет в кумы, крестник умрет*»⁷⁵; «*Кто вербу посадит, сам на себя заступ готовит, умрет, когда из вербы можно будет вытесать лопату*»⁷⁶; «*На Благовещенье и на Святую воры, по суеверью, заворовывают для счастья на весь год*»⁷⁷; «*За водопой деньги брать – вода пропадет*»⁷⁸; «*Илия-пророк выбивает градом хлеб у тех, кто обмеряет хлебом*»⁷⁹; «*Ружье живет, по суеверью охотников, не бьет наповал; для поправки выстреливают из него в змею*»⁸⁰. Еще раз подчеркнем, что многие из этих этнолингвистических материалов по-настоящему не востребованы наукой.

Больше всего не повезло загадкам из собраний В.И. Даля. Хотя они всегда оставались в поле зрения исследователей, окончательно не установлено

даже точное количество текстов. Д.Н.Садовников писал, что в сборнике поговорок насчитывается «более тысячи загадок» и что все они вошли во второе издание книги И.А.Худякова «Великорусские загадки»⁸¹. Эти утверждения до сих пор тиражируются в научной литературе. Согласно нашим подсчетам, сборник поговорок содержит более 1200 загадок, немалая их часть (скорее всего, по недосмотру) не была использована Худяковым и Садовниковым. А ведь произведения этого жанра широко представлены и в Толковом словаре (только в первом томе их около 200), и не все варианты продублированы в сборнике поговорок.

Составитель сводного сборника В.В.Митрофанова во всем положила на мнения предшественников, в частности, повторила суждение о том, что Худяков «полностью включил <...> загадки, изданные В.И.Далем»⁸². Этот этап публикаторской деятельности сопровождался новыми потерями – не все записи Даля, перепечатанные Худяковым и Садовниковым, вошли в сводный сборник. Некоторые из них, видимо, были исключены по соображениям идеологического порядка: «Он Бога не знает, а Бог его любит? младенец»⁸³; «Царь видит редко, Бог никогда, а мы завсегда (своего брата)» [т.е. ровню]⁸⁴. Другие загадки могли показаться ненатуральными: «Летит гусь на святую Русь, Наполеон»⁸⁵; «Дорога, да никто по ней не хаживал, никого за собой не важивал? на тот свет»⁸⁶. Но немало текстов, вероятнее всего, просто было пропущено: «Бык на дворе, а рога на реке? дорога со двора»⁸⁷; «Белое ест, черное роняет? лучина горит»⁸⁸; «Летят колчички и говорят: у нашей матушки сердце каменное, грудь железная? мельничные крылья»⁸⁹; «Чего завсе (всегда) хочется? ничего не делать»⁹⁰. «В хлеву у быка копна на рогах, а хвост на дворе у бабы в руках? ухват с горшком»⁹¹. Без этих и других текстов корпус русских народных загадок оказался искусственно обедненным, поскольку к самим изданиям Даля как первоисточникам исследователи этого жанра обычно не обращались. Так, в сборнике статей «Загадка как текст» (*Загадки*) на них нет ни единой ссылки, все авторы ограничиваются сборником В.В.Митрофановой. Между тем в нем отсутствуют не только некоторые оригинальные варианты общеизвестных загадок, но и ряд сюжетных типов и подтипов, зафиксированных Далем и не найденных другими собирателями. «Рассыпался горох на четырнадцать дорог? люди из церкви»⁹². «Бока да спина, а брюха нет, ночью» [*«ночва» – долбленое корыто, лоток*]⁹³. «Ни конному, ни пешему не нагнать, ни царским указом заворотить? вестей»⁹⁴. «Дерево немо, а вежеству учит, прут»⁹⁵. «Дерновое одеяльце, могила»⁹⁶. «Ограда выше колокольни, царю из-за бояр не видно»⁹⁷. «День кольцом, ночь молодцом, о разбойнике»⁹⁸. Последние тексты еще раз подтверждают справедливость мнения собирателя о родственности некоторых поговорок и загадок⁹⁹.

Даль первым в русской паремиологии подчеркнул принципиальную важность фиксации контекста. А главное, в отличие от своих современников и большинства собирателей нового времени перешел от слов к делу – в его словаре и сборнике поговорок не менее 20 – 25 процентов текстов сопровождаются мини-контекстом или краткими пояснениями составителя.

Эти комментарии выполняют самые разнообразные функции. Порой без них можно превратно истолковать или вообще не понять смысл народного речения. «*Не верти голову, продадут татарам (о лошади)*»¹⁰⁰; «*Благословясь не грех, сказал убийца*»¹⁰¹; «*Не велик клочок, да в суд волочёт, т.е. бумага*»¹⁰²; «*Возьми себе на домовину! говорят вору или обидчику*»¹⁰³; «*Богатый рожу бережет, а бедный одёжу, в драке*»¹⁰⁴; «*Увидимся у скорняка на колочке! сказала лиса волку*»¹⁰⁵; «*Не все солнце в сером зипуне (мрачно)*»¹⁰⁶. Народный афоризм «*Не годится Богу молиться, годится горшки покрывать*» долгое время интерпретировался как свидетельство формально-равнодушного отношения русского мужика к иконам. Между тем Даль и в словаре, и дважды в сборнике пословиц сопроводил этот текст своей ремаркой: «*Дразнят суздальских богомазов*» и поместил один из вариантов в раздел «Толк – бестолочь»¹⁰⁷. Пословица «*Из одного дерева икона и лопата*»¹⁰⁸ нашла свое «законное» место под рубрикой «Ученье – наука» рядом с такими паремиями, как «*По выучке мастера знать*»; «*Не то дорого, что красна золота, а дорого, что доброго мастерства*»; «*Пекла, кажись, пирожки, а вышли покрывки на горшки*». Такой же «покрывкой на горшки» может стать и икона работы неумелого «богомаза».

С помощью лаконичных комментариев Даль демонстрирует возможность употребления паремий в разных бытовых ситуациях. «*День иноходит, да два дни не ходит*, о лошади иноходе, либо о пьянице, весьма исправном, когда трезв»¹⁰⁹; «*Наша дуда и туда и сюда*, на все годна, или двулична»¹¹⁰; «*Из-за копейки, да рубль портит*, починать рубль, или о недобросовестном ремесленнике»¹¹¹. Иногда в словаре дается одно толкование паремии, а в сборнике пословиц – другое; дополняя друг друга, они позволяют нагляднее судить о том, насколько широк диапазон возможных актуализаций пословицы. «*Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов!*»¹¹². К этому тексту в словаре приведено пояснение, связывающее его с допетровской эпохой: «*Четыре полы, восемь карманов, у приказного*»¹¹³. А в другом томе находим еще несколько выразительных речений на ту же тему: «*Приказный проказлив: руки – крюки, пальцы – грабли, вся подкладка – один карман*»; «*Приказный черту брат*» и т.п.¹¹⁴. Встречаются и такие случаи, когда пояснения к той или иной пословице имеются только в словаре: «*Чужой человек, что соборный колокол, по вестям*»¹¹⁵. Ср.: «*Чужой человек в доме колокол*»¹¹⁶ – без минимального контекста это выражение можно истолковать неверно (чужой человек не в меру болтлив, ведет себя слишком развязно и т.п.).

Без ремарок составителя трудно понять некоторые пословицы и фразеологизмы, отражающие народные обычаи, обряды и поверья. «*Житье блинам на поминках*, где они подаются наперед, а на свадьбе после всего»¹¹⁷. «*Больному да дорожному закон не лежит*, говорят о постах»¹¹⁸. «*Эта вина стоит полведра вина, присуждают на сходке, за вину*»¹¹⁹. «*Приткнуть кому грош, казанская*» Догадаться, что означает эта казанская поговорка, помогает пояснение собирателя: «*Бедняк, на зло богачу, втыкает ему в избу грош, и тот должен разориться*»¹²⁰. В.И. Даль первым из фольклористов зафиксировал редкий свадебный обычай и описал его, комментируя пословицу

«Хочу – вскочу, не хочу – не вскочу». Во время сватовства невесте предлагают «вскочить в подставленную матерью поневу, что есть знак согласия» (на брак). Собиратель отметил и район бытования этого обычая – Тамбовская губерния¹²¹. А одно из значений слова «бирка» он сопроводил исчерпывающим историко-этнографическим комментарием. «Палочка или досочка, на которой, зарубками, редко краской, кладутся знаки, для счета, меры или приметы. Безграмотные держат особую бирку для каждого должника или верителя, раскалывая ее пополам и отдавая одну половину тому, с кем идет счет; при уплате и расчете обе половинки для проверки складываются. Срезать кого с бирки, кончить с ним счет, простить долг несостоятельному должнику; это у простых людей считалось угрозой, поношением. Я тебе это нарублю или насеку, нарежу на бирку; помни, а я не прощу. Ты у меня еще на бирке зарублен. Ты у меня давно на бирке. Корабли за морем, а бирка (долговая) у соседа, долг вернее прибýtка. || У казаков: такая же расколотая пополам палочка с резами, обмениваемая съехавшимися патрулями или разъездами; она служит для доказательства, что они съезжались, объехав должное пространство»¹²².

Контекст, комментарии составителя порой содержат прямые или косвенные указания на обстоятельства, время и место возникновения некоторых паремий. «Звоном началось, звоном и кончится; Вологодское, г. Ник[ольский] уезд] на Вохме, построена в 1784 г. церковь, на месте, где слышался звон; в 1845 г. она сгорела со звоном»¹²³. «Я одна шью, а все остальные порют» – согласно народной молве, этот афоризм принадлежит Екатерине II¹²⁴. Знатокам средневекового русского права пословица «Колы худ князь, так в грязь!»¹²⁵ может показаться слишком радикальной, даже неправдоподобной. Но лаконичная ремарка Даля: «Говорили новгородцы» все ставит на свои места – древние новгородцы избирали князей и не раз с позором изгоняли неугодных им правителей. А в Слободском уезде Вятской губернии родилась пословица-примета «Спасский колокол к дождю заговорил»: звон церковного колокола доносился из села Спасского до уездного города только при южном ветре¹²⁶.

Даль-собиратель обладал развитым чувством юмора, редкой способностью в потоке живой речи мгновенно распознавать и по достоинству оценивать жемчужины народного остроумия. В обоих его изданиях широко представлена стихия комического; многие пословицы, поговорки, шуточные прибаутки построены на игре слов, иронии, гиперболе, неожиданных сопоставлениях. «Рожей подгулял, так запонкой взял»¹²⁷; «Князь, у тебя навозные вилы с возу свалились!»¹²⁸; «Хорошо бьет ружье: с полки упало, семь горшков разбило»¹²⁹; «Вспомогательные глаголы: лгать и красть»¹³⁰; «Кому кистень, а кому чётки»¹³¹; «И по рылу знать, что не простых свиней»¹³²; «Это такой землемер, что подушку из-под головы отмежует»¹³³; «Богат Тимошка, и кила с лукошко!»¹³⁴.

Казалось бы, специфика Толкового словаря и сборника паремий не позволяет включать в них народные анекдоты, но составитель нашел оригинальный способ преодолеть это препятствие. Он публиковал нарративные

тексты не в полном, а в «свернутом» виде, вычлняя ключевую, обычно афористическую по форме и комическую по содержанию фразу; именно в ней и заключается «соль» анекдота. Сама ситуация пунктирно обозначена в комментариях составителя, которые Даль тоже старался уместить в рамки одного предложения. По своему художественному уровню многие тексты вполне могут соперничать с лучшими образцами этого жанра из третьего тома «Народных русских сказок» А.Н.Афанасьева. Объекты осмеяния в них традиционны – глупость, чванство, самонадеянность, неспособность учесть реальную ситуацию. «*Нагнули, да и воткнули* (отвечали мужику на вопрос, как в Ивана Великого крест вколотили)»¹³⁵. «*Такого-то калоши!* кричат, в насмешку, у подъезда пешему посетителю»¹³⁶. «*Один Иван – должно; два Ивана – можно; три Ивана – никак не возможно*, сказал немец про Ивана Ивановича Иванова»¹³⁷. В полном соответствии с общефольклорными стандартами в анекдотах наиболее одиозные пороки приписываются обитателям каких-либо губерний и городов, представителям соседних народов. «*Краденая кобыла не в пример дешевле купленной обойдется*, сказал цыган»¹³⁸. «*Хоть его свяжи, не свяжи, а оно все в болото лезет*, сказал воронежец, уронив в грязь жареное поросенка, которое, по обычаю, нес домой от пасхальной заутрени»¹³⁹. «*Белотелец. Прозвище, данное ярославцам, которые пуд мыла извели, а родимого пятнышка с сестры не смыли*»¹⁴⁰. «*В Севске (Брянской губернии) поросенка на насест сажали, приговаривая: цайпайся, цайпайся, курочка о двух лапках, да держится*»¹⁴¹. Зафиксировал Даль и давнюю неприязнь «хохлов» к «москалям», отметив, что так прежде называли не только «московитов», но и всех солдат русской армии. «*Батько! Черт лезет в хату!*» – «*Не замай, абы не москаль!*»¹⁴². «*Проклятые москаль: понаставили столбов, что и проехать негде* (сказал хохол, зацепив возом за верстовой столб, среди степи)»¹⁴³. «*Чтоб те хохлы да повыодохли!*» сказал москаль. *А чтоб те москаль да их повытаскали!* отвечал хохол»¹⁴⁴.

Как и в других произведениях народной прозы, одним из самых популярных персонажей анекдотов является солдат – неприхотливый, плутоватый, острый на язык. «*Стой, батальон, пуговку нашел! Марш-марш – без ушка!* дразнят внутреннюю стражу»¹⁴⁵. «*Прикажете подавать теленка-то* (сказал солдат, который держал заклад, что съест целого теленка, и съел его в разных блюдах, полагая, что целый еще впереди)»¹⁴⁶. «*Одну выпьешь, боишься; другую выпьешь, боишься; а как третью выпьешь, так и не боишься*, отвечал солдат на вопрос, как он не боится пить, зная, что накажут»¹⁴⁷. «*Пушка сама по себе, а единрог сам по себе*, объяснение солдата, чем они рознятся»¹⁴⁸.

Некоторые тексты словно предвосхищают современные серии анекдотов. «*Кобыла вся!*» сказал жид, сидя за цыганом на забёдрах, когда этот допытывал его до хвоста»¹⁴⁹; «*По объяснению еврея, пушка – это «дырка, обитая медью»*»¹⁵⁰. А вот «прадедушка» анекдотов о «новых русских»: «*А что просишь за Москву?* (спросил богатый мужик и полез за пазуху)»¹⁵¹. Есть в словаре и некоторые выражения, в наше время вошедшие в молодежный жаргон («*клевое дело*»¹⁵²; «*кричать во всю варезку*»¹⁵³; «*кушак слинял*», пропал¹⁵⁴; «*крутой мороз*»¹⁵⁵); последнее слово в этом значении Даль даже сам упот-

ребил в докладе «О русском словаре», назвав жителей Костромской губернии «*крутыми окальщиками*»¹⁵⁶.

В собраниях Даля можно найти пословицы, перекликающиеся с ключевыми поэтическими образами классических произведений русской литературы. «*Туляк – стальная душа. Блоху на цепь приковали*»¹⁵⁷. Последняя фраза воскрешает в памяти сказ Н.С.Лескова о тульском мастере Левше. «*Рабочий конь на соломе, а пустопляс на овсе*»¹⁵⁸ – лейтмотив знаменитой сказки М.Е.Салтыкова-Щедрина «Коняга». Народное речение «*Солдат шилом бреется, дымом греется*»¹⁵⁹ в слегка измененном виде известно каждому школьнику по тексту поэмы Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». А пословица «*Совесть с молоточком: и постукивает, и наслушивает*»¹⁶⁰ – прямая параллель к образу «человека с молоточком», который своим стуком взывает к совести сытых и самодовольных обывателей (рассказ А.П.Чехова «Крыжовник»). Разумеется, это сходство не дает права возводить литературные шедевры непременно к словарю или сборнику пословиц Даля, но полностью исключать их взаимосвязь тоже нельзя.

Несколько поколений переводчиков и исследователей «Слова о полку Игореве» бились над разгадкой одного из «темных мест»: «*Коли сокол в мытех бывает, не даст гнезда своего в обиду*». Буквальное прочтение текста приводило к явному алогизму: во время линьки («*мыта*») даже сокол – неважный защитник своего гнезда. И лишь недавно было предложено достаточно убедительное объяснение. В прототексте над буквой «в» стояло *титло*, что автоматически превращало ее в цифру «3»; при копировании надстрочный знак был утрачен. Таким образом, в древнерусской поэме речь шла не о *ляняющем*, а о *возмужавшем, трижды перелинявшем* соколе. Видимо, В.И.Даль уже полтора столетия назад именно так прочел этот фрагмент. В его словаре находим словосочетание «*сокол трех мытей*» в одном ряду с выражениями «*тулуп трех зим*», «*корова по четвертой траве*», «*расшива [разновидность парусного судна] по третьей воде*» и т.п.¹⁶¹ В другой словарной статье есть такое пояснение: «*Годы ловчих птиц считают по мытам*»¹⁶². Напрашивается предположение, что лексикограф *цитировал* именно «Слово о полку Игореве», так как в качестве примера привел сокола, а не другую охотничью птицу и назвал три мыта, а не два или пять.

Принято считать, что работу над словарем Даль начал после окончания Морского корпуса. «3 марта 1819 года <...> мы выпущены в мичмана, и я по желанию написан в Чёрное море, в Николаев. На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое я дотоле не слышал»¹⁶³. Однако судя по одному из текстов в сборнике пословиц, «бессознательный» интерес к народной культуре, к народному быту проснулся у будущего собирателя гораздо раньше. «*Давайте кату плату*» (встарь палач ходил по базару и собирал дань с воза; *это я сам видел в 1814 году*)» (выделено мною. – Ю.Н.)¹⁶⁴.

Даль был исключительно скромным в оценке своего грандиозного труда. Представляя словарь членам Общества любителей русской словесности, он говорил: «Работая не лентяй, насколько от дел насущных оставалось ча-

су, этот собиратель сделал, что смог; а если бы еще хоть десять человек сделали столько же, то свод десятка таких словарей конечно дал бы в итоге не то, что один!»¹⁶⁵. Но лексикографы и фольклористы-собираатели такого масштаба не рождаются десятками; Толковый словарь и сборник пословиц Владимира Даля и сегодня остаются уникальными явлениями русской культуры. Наш долг – в полной мере использовать их в научных исследованиях, в том числе и в этнолингвистических.

Сложилась парадоксальная ситуация. Прочно забытый советской наукой и лишь недавно переизданный после более чем столетнего перерыва сборник Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» сразу вошел в активный научный оборот. А богатейшая коллекция этнолингвистических материалов, содержащаяся в общедоступных, многократно переиздававшихся книгах – Толковом словаре и сборнике пословиц – по сути дела осталась невостребованной. Отчасти это объясняется инерцией мышления. Мы привыкли обращаться к словарю с чисто лексикографическими целями, а к сборнику пословиц – в поисках того или иного народного речения. Вторая причина объективная – тексты и сведения, интересующие этнографов и фольклористов, рассеяны по тысячам страниц обоих изданий (их общий объем превышает 7000 машинописных страниц); даже специалисту нелегко сориентироваться, в каком разделе сборника пословиц или в какой словарной статье их надо искать. На наш взгляд, все эти материалы целесообразно издать отдельной книгой, по образцу этнолингвистических словарей, снабдив ее различными указателями.

При подготовке такого издания необходимо фронтальное сопоставление словаря и сборника пословиц. Хотя у них общие истоки – полевые записи и картотеки собирателя, говорить о полном тождестве или дублировании не приходится. Даль вручную, полагаясь только на свою память, обрабатывал и систематизировал десятки тысяч текстов, и это неизбежно приводило к отдельным пропускам, повторениям, а иногда и искажениям. В «Напутном» к сборнику пословиц составитель сетовал: «Не достало памяти; пробегая эти бесконечные ряды, тупеешь и не помнишь, что уже было, а чего не было»¹⁶⁶. В каждом из этих изданий можно найти немало пословиц, поверий, загадок, отсутствующих в другом или представленных в нем иными вариантами; особенно много разночтений в комментариях составителя, в описаниях народных обрядов и обычаев. Мы уже имели возможность убедиться в том, что Толковый словарь и сборник пословиц и в фольклорном, и в этнолингвистическом плане дополняют, уточняют друг друга. Приведем еще один характерный пример. Пословицы «Нашел черт клубок, да боится взять», «Нашел черт клубок, да на рога не лезет»¹⁶⁷ вызывают недоумение своей нелогичностью. Скорее всего это связано с ошибкой типографского наборщика. Второй текст опубликован и в словаре, но вместо слова «клубок» употреблено «клобук» («покрывало монашествующих, сверх камилавки; в просторечии и сама камилавка»¹⁶⁸). Это уточнение снимает все вопросы – понятно, почему клобук не лезет на рога и почему черт его боится.

Список принятых сокращений

Азадовский – *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. – Т. 2. – М., 1963.

Афанасьев – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3-х т. / Изд. подгот. Л.Г.Бараг, Н.В.Новиков. – Т. 3. – М., 1985.

Бахтин – *Бахтин Владимир.* От былины до считалки: Рассказы о фольклоре. – Л., 1988.

Бессмертных – *Бессмертных Л.В.* О рукописях А.Н.Афанасьева «Народные русские сказки не для печати (из собрания В.И.Даля)» и «Русские заветные пословицы и поговорки (В.И.Даля)...» // *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н.Афанасьевым. 1857 – 1862. / Изд. подгот. О.Б.Алексеева, В.И.Еремина, Е.А.Костюхин, Л.В.Бессмертных. – М., 1997. – С. 558–662.

Бессонов – Калеки переходные: Сборник стихов и исследование П.Бессонова. Вып. 1–5. – М., 1861–1863. – № 108. (Видимо, от Даля получены и другие тексты, записанные в Оренбургской и Пермской губерниях – № 94, 112, 121, 171, 495, 513 и др.).

Власова – *Власова З.И.* В.И.Даль. // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). – Л., 1976. – С. 338–360.

Загадка – Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. – М., 1994.

Заговоры – Великорусские заклинания: Сборник Л.Н.Майкова. – СПб., 1994.

Киреевский – Песни, собранные П.В.Киреевским. – Вып. I. – М., 1860. – Приложения. – С. XXXII–XXXIV.

Митрофанова – Загадки / Изд. подгот. В.В.Митрофанова. – Л., 1968.

Мифология – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М., 1995.

Поверья – *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: Материалы по русской демонологии. – СПб., 1996.

Посл. – Пословицы русского народа: Сборник В.Даля. – М., 1957.

Садовников – Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д.Садовников. – М., 1995.

СД, I – Славянские древности : Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. – Т. I. – М., 1995.

СД, II – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И.Толстого. – Т. II. – М., 1999.

СЛ. – *Владимир Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. I–IV. – М., 1955.

Примечания

¹ Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3-х т. / Изд. подгот. Л.Г.Бараг и Н.В.Новиков. – Т. 1. – М., 1984; Т. 2, 3. – 1985. – 7-е полн. изд.

- ² Власова З.И. В.И.Даль // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). – Л., 1976. – С. 339.
- ³ Бессмертных Л.В. О рукописях А.Н.Афанасьева «Народные русские сказки не для печати (из собрания В.И.Даля)» и «Русские заветные пословицы и поговорки (В.И.Даля)...» // Афанасьев А.Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н.Афанасьевым. – 1857–1862 / Изд. подгот. О.Б.Алексеева, В.И.Еремина, Е.А.Костюхин, Л.В.Бессмертных. – М., 1997. – С. 558 – 596.
- ⁴ Песни, собранные П.В.Киреевским. – Вып. I. – М., 1860.
- ⁵ Калеки переходные: Сборник стихов и исследование П.Бессонова. – Вып. 1 – 5. – М., 1861–1863.
- ⁶ Азадовский М.К. История русской фольклористики. – Т. 2. – М., 1963. – С. 24.
- ⁷ Пословицы русского народа: Сборник В.Даля. – М., 1957; 1984 (1-е изд.: М., 1861 – 1862; 2-е изд. – СПб.; М., 1879). (Далее: Пословицы... – С...). В.И.Даль. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: Материалы по русской демонологии. – СПб., 1996.
- ⁸ В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – М., 1955.
- ⁹ Азадовский М.К. История русской фольклористики. – Т. 2. – М., 1963. – С. 25.
- ¹⁰ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М., 1995. (Далее: Славянская мифология... – С...); Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. – Т. 1. – М., 1995; Т. 2. – М., 1999. (Далее: Славянские древности... – С...).
- ¹¹ В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1 – 4. – М., 1955. (Далее: Словарь... – С...).
- ¹² Собрание разных песен М.Д.Чулкова. – СПб., 1913; Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах / Сост., подгот. текстов, предисл., коммент. Е.А.Грушко, Ю.М.Мелведева. – Н.Новгород, 1996 (1-е изд. – М., 1848).
- ¹³ Славянская мифология... М., 1995; Славянские древности... – М., 1995 – 1999.
- ¹⁴ Бахтин В. От былины до считалки: Рассказы о фольклоре. – Л., 1988. – С. 113–114.
- ¹⁵ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. – Вып. 1. – СПб., 1898. – Т. 1.
- ¹⁶ Словарь... – М., 1655; Славянские древности... – М., 1995 – 1999; Пословицы... – М., 1957, 1984.
- ¹⁷ Образцы таких текстов В.И.Даль обнаружил в сборнике «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» (*Поверья*: 36 – 37); пять текстов позднее были перепечатаны Л.Н.Майковым (*Заговоры*: № 19, 107, 154, 191, 333).
- ¹⁸ Пословицы... – С. 29.
- ¹⁹ Словарь... – Т. 2. – С. 196.
- ²⁰ Словарь... – Т. 1. – С. 354; Пословицы... – С. 402–403.
- ²¹ Словарь... – Т. 1. – С. 45.
- ²² Словарь... – Т. 2. – С. 81; Пословицы... – С. 932.
- ²³ Словарь... – Т. 1. – С. 503.
- ²⁴ Словарь... – Т. 2. – С. 89.
- ²⁵ Словарь... – Т. 1. – С. 107.
- ²⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 136; Пословицы... – С. 380.
- ²⁷ Словарь... – Т. 1. – С. 678.
- ²⁸ Словарь... – Т. 1. – С. 235.

- ²⁹ Славянские древности... – Т. 1. – С. 421.
- ³⁰ Словарь... – Т. 1. – С. 356; Пословицы... – С. 944.
- ³¹ Словарь... – Т. 1. – С. 670.
- ³² Славянские древности... – Т. 2. – С. 287.
- ³³ Словарь... – Т. 2. – С. 80.
- ³⁴ Словарь... – Т. 2. – С. 145.
- ³⁵ Словарь... – Т. 1. – С. 678; Славянские древности... – Т. 2. – С. 317.
- ³⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 453.
- ³⁷ Пословицы... – С. 755.
- ³⁸ Словарь... – Т. 1. – С. 44; Пословицы... – С. 380.
- ³⁹ Словарь... – Т. 2. – С. 147; Пословицы... – С. 264.
- ⁴⁰ Словарь... – Т. 2. – С. 189; Пословицы... – С. 932.
- ⁴¹ Словарь... – Т. 2. – С. 128.
- ⁴² Словарь... – Т. 1. – С. 274.
- ⁴³ Словарь... – Т. 1. – С. 226.
- ⁴⁴ Словарь... – Т. 2. – С. 107; Пословицы... – С. 509; Славянские древности... – Т. 2. – С. 495.
- ⁴⁵ Словарь... – Т. 1. – С. 167; Славянские древности... – Т. 2. – С. 148.
- ⁴⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 686.
- ⁴⁷ Словарь... – Т. 1. – С. 110.
- ⁴⁸ Пословицы... – С. 933; Словарь... – Т. 3. – С. 60; Славянская мифология... – С. 302.
- ⁴⁹ Словарь... – Т. 1. – С. 4.
- ⁵⁰ Словарь... – Т. 1. – С. 167.
- ⁵¹ Словарь... – Т. 2. – С. 114.
- ⁵² Словарь... – Т. 1. – С. 455.
- ⁵³ Словарь... – Т. 2. – С. 127.
- ⁵⁴ Словарь... – Т. 4. – С. 139; Т. 2. – С. 107.
- ⁵⁵ Словарь... – Т. 4. – С. 225.
- ⁵⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 371, 396.
- ⁵⁷ Словарь... – Т. 2. – С. 105.
- ⁵⁸ Словарь... – Т. 2. – С. 139.
- ⁵⁹ Словарь... – Т. 1. – С. 11.
- ⁶⁰ Словарь... – Т. 1. – С. 16.
- ⁶¹ Словарь... – Т. 2. – С. 181.
- ⁶² Словарь... – Т. 2. – С. 158.
- ⁶³ Словарь... – Т. 1. – С. 574; Пословицы... – С. 767.
- ⁶⁴ Словарь... – Т. 1. – С. 671.
- ⁶⁵ Пословицы... – С. 779.
- ⁶⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 631.
- ⁶⁷ Словарь... – Т. 1. – С. 383.
- ⁶⁸ Пословицы... – С. 403; Словарь... – Т. 4. – С. 674.
- ⁶⁹ Словарь... – Т. 1. – С. 175.
- ⁷⁰ Словарь... – Т. 2. – С. 40; Пословицы... – С. 926.
- ⁷¹ Словарь... – Т. 2. – С. 87.
- ⁷² Словарь... – Т. 2. – С. 167.
- ⁷³ Словарь... – Т. 2. – С. 146.
- ⁷⁴ Словарь... – Т. 2. – С. 43.
- ⁷⁵ Словарь... – Т. 1. – С. 83; Пословицы... – С. 379.

- ⁷⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 178.
⁷⁷ Словарь... – Т. 1. – С. 563.
⁷⁸ Словарь... – Т. 1. – С. 219.
⁷⁹ Словарь... – Т. 1. – С. 278.
⁸⁰ Словарь... – Т. 1. – С. 538.
⁸¹ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. – М., 1995. (Далее: Загадки... № ...).
⁸² Загадки / Изд. подгот. В.В. Митрофанова. – Л. 1968.
⁸³ Словарь... – Т. 1. – С. 688; Загадки... № 1710.
⁸⁴ Пословицы... – С. 319.
⁸⁵ Словарь... – Т. 1. – С. 410; Пословицы... – С. 328.
⁸⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 473.
⁸⁷ Словарь... – Т. 1. – С. 473; Пословицы... – С. 954; Загадки... № 734.
⁸⁸ Словарь... – Т. 1. – С. 152; Пословицы... – С. 605; Загадки... № 206.
⁸⁹ Словарь... – Т. 2. – С. 143; Загадки... № 1074.
⁹⁰ Словарь... – Т. 1. – С. 563; Пословицы... – С. 318; Загадки... № 563.
⁹¹ Словарь... – Т. 2. – С. 157; Пословицы... – С. 601; Загадки... № 321.
⁹² Словарь... – Т. 1. – С. 382; Пословицы... – С. 53; Загадки... № 1852.
⁹³ Словарь... – Т. 1. – С. 109; Пословицы... – С. 53.
⁹⁴ Словарь... – Т. 2. – С. 156.
⁹⁵ Словарь... – Т. 1. – С. 330.
⁹⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 432.
⁹⁷ Словарь... – Т. 2. – С. 140; Пословицы... – С. 245.
⁹⁸ Словарь... – Т. 2. – С. 145.
⁹⁹ Пословицы... – С. 21.
¹⁰⁰ Пословицы... – С. 731.
¹⁰¹ Словарь... – Т. 1. – С. 402.
¹⁰² Словарь... – Т. 2. – С. 120.
¹⁰³ Словарь... – Т. 1. – С. 466.
¹⁰⁴ Словарь... – Т. 1. – С. 85.
¹⁰⁵ Словарь... – Т. 2. – С. 144.
¹⁰⁶ Словарь... – Т. 1. – С. 683.
¹⁰⁷ Словарь... – Т. 1. – С. 383; Пословицы... – С. 269, 467.
¹⁰⁸ Пословицы... – С. 424.
¹⁰⁹ Словарь... – Т. 2. – С. 46.
¹¹⁰ Словарь... – Т. 1. – С. 499.
¹¹¹ Словарь... – Т. 1. – С. 22.
¹¹² Пословицы... – С. 174.
¹¹³ Словарь... – Т. 2. – С. 93.
¹¹⁴ Словарь... – Т. 3. – С. 415.
¹¹⁵ Словарь... – Т. 2. – С. 140.
¹¹⁶ Пословицы... – С. 791.
¹¹⁷ Словарь... – Т. 1. – С. 98.
¹¹⁸ Словарь... – Т. 1. – С. 112.
¹¹⁹ Словарь... – Т. 1. – С. 175.
¹²⁰ Словарь... – Т. 1. – С. 399.
¹²¹ Словарь... – Т. 1. – С. 265.
¹²² Словарь... – Т. 1. – С. 87.

- 123 Словарь... — Т. 2. — С. 672; 499.
124 Пословицы... — С. 633.
125 Словарь... — Т. 2. — С. 126.
126 Словарь... — Т. 2. — С. 140.
127 Словарь... — Т. 1. — С. 615.
128 Словарь... — Т. 2. — С. 126.
129 Словарь... — Т. 1. — С. 89.
130 189.
131 Словарь... — Т. 2. — С. 111.
132 Словарь... — Т. 1. — С. 688.
133 Словарь... — Т. 1. — С. 680.
134 Словарь... — Т. 2. — С. 108.
135 Пословицы... — С. 438.
136 Словарь... — Т. 2. — С. 79.
137 Словарь... — Т. 1. — С. 228.
138 Словарь... — Т. 2. — С. 127.
139 Словарь... — Т. 1. — С. 110.
140 Словарь... — Т. 1. — С. 157; Пословицы... — С. 334–335.
141 341.
142 Словарь... — Т. 4. — С. 598.
143 Пословицы... — С. 555; Словарь... — Т. 1. — С. 181.
144 Словарь... — Т. 1. — С. 412.
145 Словарь... — Т. 1. — С. 53.
146 Пословицы... — С. 789.
147 Словарь... — Т. 1. — С. 122.
148 Словарь... — Т. 1. — С. 516.
149 Словарь... — Т. 1. — С. 187.
150 Словарь... — Т. 3. — С. 545.
151 731.
152 Словарь... — Т. 2. — С. 115.
153 Словарь... — Т. 1. — С. 165.
154 Словарь... — Т. 2. — С. 253.
155 Словарь... — Т. 2. — С. 203.
156 Словарь... — Т. 1. — С. 38.
157 Пословицы... — С. 341.
158 Словарь... — Т. 2. — С. 155.
159 Словарь... — Т. 4. — С. 265.
160 Пословицы... — С. 306.
161 Словарь... — Т. 1. — С. 365.
162 Словарь... — Т. 4. — С. 262.
163 Словарь... — Т. 1. — С. 3.
164 Пословицы... — С. 218.
165 Словарь... — Т. 1. — С. 23.
166 Пословицы... — С. 29.
167 Пословицы... — С. 575.
168 Словарь... — Т. 2. — С. 119.